

Глава 7

Убедившись, что дедушка съел припрятанное им пирожное, Лю Цишуан набрал воды, вымыл руки и ноги и лёг спать.

Он уже почти провалился в сон, как вдруг во дворе послышался какой-то шум. Он в страхе распахнул глаза и услышал ругань отца.

— Проклятые небеса, вечно они издеваются над нашей семьёй Сюй!

В ночной тишине голос Сюй Шифаня звучал особенно резко и пугающе.

«Зачем он вернулся?» — сон как рукой сняло. Лю Цишуан не успел даже подумать, почему отец вернулся так внезапно — ведь он должен был помогать несколько дней, — как уже инстинктивно сложил руки на груди и вознёс молитву небесам.

Он искренне взмолился, чтобы небеса вняли отцовским проклятиям и послали ему в ответ пару-тройку кар. Раз уж тот смеет ругать самого Небесного Владыку, то должен понести наказание. При этом он внимательно прислушивался к тому, что происходит во дворе.

Почувствовав, что отец направляется в уборную, он оставил свои разговоры с небесами. Сердце его заколотилось в горле. Он в страхе вскочил с кровати и тоже бросился туда.

— Отец, почему ты вернулся? — крикнул Лю Цишуан, едва выйдя во двор, чтобы понять, что отец там делает.

Отец тут же отозвался:

— А я должен у тебя разрешения спрашивать, когда мне возвращаться? Целыми днями только мозолишь мне глаза. Наверняка это тоже твоих рук дело, несчастье ты моё ходячее.

Сюй Шифань продолжал браниться, но, казалось, ругал он не только сына. Лю Цишуан сначала подумал, что отец где-то повздорил и теперь вымещает злость. Он испугался, что достанется дедушке, и выбежал, готовый принять удар на себя. Пусть лучше побьёт его, тогда на дедушку сил не останется.

Но тут из уборной донеслось хрюканье, и Лю Цишуан от удивления широко распахнул глаза. В его голове промелькнула радостная мысль, и он, уже не обращая внимания на ругань отца, бросился в уборную.

Их поросёнка полмесяца назад забрали тётка с двоюродным братом. Как же он снова оказался здесь?

— Отец, ты купил поросёнка? — спросил Лю Цишуан, хотя и так знал ответ. Конечно, не купил. Уходя, отец взял с собой лишь мешок зерна и связку монет. Откуда у него деньги на поросёнка? Его дедушка и бабушка с той стороны и медяка бы им не дали.

Он тешил себя надеждой, что отец поссорился с родственниками и забрал их поросёнка обратно.

Сюй Шифань и так был не в духе, а тут ещё и сын со своими вопросами. Он пнул дверь хлева и прорычал:

— На какие шиши я его куплю? Твой двоюродный брат ногу повредил, а тётке некогда за ним ухаживать, траву для свиньи рвать да пойло варить!

Так и есть, напрасные надежды.

Значит, с двоюродным братом что-то случилось. Что ж, значит, это он, Лю Цишуан, виноват. Он не раз втихомолку проклинал Сюй Яоцзу. Пусть небеса и дальше будут к нему благосклонны и продолжают карать всю семью Сюй.

Сюй Шифань был в ярости. Мало того, что их поросёнка забрали, так теперь им ещё и приходится его выхаживать. Пусть корм и подстилку они не покупают, но если гээр будет возиться со свиньёй, у него останется меньше времени на другую работу. А он уже подросток, от него много пользы. Хотя бы в горы сходит, что-нибудь найдёт — уже подспорье для семьи.

Чем больше он думал, тем сильнее злился. Он уже хотел было пнуть вошедшего в уборную гэра, чтобы выпустить пар, как из дома вышла его жена.

— Фань-гэ, это ты вернулся? — голос Лю Цунсян был мягче обычного. Сказав это, она вошла в уборную и, что-то невнятно бормоча, потянула Сюй Шифаня за собой.

Как только они вышли, во дворе снова раздался голос Лю Цунсян. Она велела Лю Цишуану вскипятить ей воды, а потом идти спать.

— Хорошо, — поспешно ответил он. Лю Цишуан думал, что порки не избежать, и теперь, когда нужно было всего лишь вскипятить воды, был несказанно рад. Даже это короткое слово прозвучало весело.

Когда он ушёл, дедушка Лю, до этого не смевший издать ни звука, наконец, не выдержав, несколько раз кашлянул и провёл рукой по лицу.

«Шуан-шуан, — прошептал он, — выходи замуж поскорее. Найди того, кто сможет тебя защитить. Уходи отсюда, скорее...»

***

Для кипячения воды лучше всего подходила легковоспламеняющаяся и быстро горящая солома. Через некоторое время Лю Цишуан вскипятил котелок воды и юркнул в свою комнату.

Снова лёжа в кровати, он начал беспокоиться, что поездка в дом семьи Вань может сорваться. Ещё его волновали цветы мушмулы для семьи Цзян. С такими мыслями он долго не мог заснуть.

Когда из комнаты матери донеслись её обычные ночные стоны, он инстинктивно зажал уши и прошептал, обращаясь к небесам:

— Он назвал тебя вором. Не посылай ему детей, ладно? Ни мальчиков, ни гэров, ни девочек.

Уже засыпая, Лю Цишуан добавил:

— Я назову тебя Великим Небесным Владыкой, а ты пошли мне мужа, который сможет побить моего отца.

Он понимал, что мало лишить отца надежды на будущее, нужно ещё и заручиться поддержкой. Он был гэром, и сил у него было меньше, чем у мужчины. К тому же родители не давали ему мяса, так что сил было ещё меньше. Чтобы справиться с отцом, ему придётся ждать, пока тому не исполнится пятьдесят. Он не мог столько ждать.

Да и что толку наказывать отца в пятьдесят с лишним лет? Слишком долго он будет наслаждаться жизнью. Так не пойдёт.

Помня о деле с семьёй Вань, Лю Цишуан проснулся на следующий день ровно в час Мао. В комнате было ещё темно, но он понимал, что времени мало. Боясь, что отец проснётся и не пустит его, он тихонько оделся, взял корзину и серп и вышел из дома.

Едва он вышел со двора, как услышал кашель дедушки. Он и сам простужался, и у него тоже болело горло и был кашель. Он знал, как это мучительно. Иногда не успеешь откашляться, как наваливается новый приступ, и кашляешь до тех пор, пока не начинает казаться, что выплюнешь лёгкие.

Ему было мучительно даже от временного кашля. А дедушка начинал кашлять каждый день в час Мао и не мог успокоиться почти час. Да и днём приступы случались. Как он это выдерживал?

Лю Цишуан шёл, погружённый в свои мысли, и даже отойдя на приличное расстояние, всё ещё слышал слабый кашель. Внезапно он передумал тратить время на поиски в горах. Может, стоит набраться смелости и попросить немного цветов мушмулы у семьи Вань?

Тётушка Вань была доброй, не то что другие деревенские, которые любили унижать слабых и заискивать перед сильными. Она не должна была его обидеть.

Если он добудет цветы пораньше, дедушке станет легче.

Во втором и третьем месяцах редко бывала хорошая погода, небо чаще всего было затянуто дымкой. К тому же был конец месяца, и луны на небе не было. Но Лю Цишуана это не волновало, и он в потёмках пошёл к дому семьи Вань.

Когда он добрался до места, небо всё ещё было тёмным. Не решаясь стучать и беспокоить хозяев, он просто сел у ворот и прислонился к ним, чтобы немного подремать.

Дом семьи Вань, сложенный из глинобитных кирпичей, был обмазан так искусно, что походил на каменный — ровный, без единой трещинки. Он был высоким и выглядел внушительно.

Дом был не только красив, но и окружён высокой и прочной оградой. Тяжёлые деревянные ворота, вымощенная камнем дорожка, ведущая от них к дороге, и широкий навес над воротами, похожий на крышу маленькой беседки, защищавший от дождя и солнца.

Весь дом выглядел внушительно и надёжно. Мелкие воришки не осмелились бы сунуться в такое место. Живя здесь, можно было спать спокойно.

Прошло около получаса, и на востоке забрезжил рассвет.

Лю Цишуан открыл глаза и первым делом увидел огромное дерево мушмулы перед домом семьи Вань. Он не знал, сколько ему лет, но сколько он себя помнил, оно всегда было таким высоким, будто доставало до самого неба. Его ветви простирались на несколько чжанов. Ветви его переплетались, образуя причудливые сиденья, а те, что свисали до самой земли, так и манили раскаться на них, словно на качелях. Наверное, это было очень весело.

У каждого деревенского ребёнка в детстве было своё любимое дерево. Лю Цишуан в детстве тоже много времени проводил на деревьях, играя с другими детьми. Жаль, что те счастливые дни быстро прошли, он их уже почти не помнил.

Отгнав весёлые мысли, Лю Цишуан устремил взгляд на ветви мушмулы. В предрассветных сумерках он не мог разглядеть, остались ли на них цветы. Он думал, что если остались, он наберётся смелости и попросит немного. Если они дадут, то сегодня вечером дедушка сможет выпить лекарство, и, может быть, завтра утром ему станет легче.

А если нет, придётся идти в горы.

***

Внезапно он почувствовал, что его спина прогибается назад. Не успев испугаться, он ощутил, как что-то упёрлось ему в спину.

Вань Дунъян толкнул его ногой, заставив сесть ровно, а затем за его спиной раздался его холодноватый голос:

— Что так рано?

Он повернул голову и посмотрел на Вань Дунъяна. Тот показался ему высоким, как гора. Лю Цишуан поспешно встал. Теперь Вань Дунъян стал немного ниже, но ему всё равно приходилось заирать голову, чтобы говорить с ним.

— Только пришёл.

Лю Цишуан ответил стандартной деревенской фразой, которую говорили все, независимо от того, как долго ждали: «только пришёл» или, если речь шла о еде, «только что поел».

Вань Дунъян не стал спорить. Он взглянул на его инструменты, а затем посторонился, пропуская его внутрь.

Лю Цишуан поспешил войти, осторожно переступая через порог. Он подумал, что семья Вань, должно быть, очень боится призраков, раз сделала такой высокий порог. Ему пришлось высоко поднять ногу, чтобы перешагнуть.

Войдя во двор, Лю Цишуан увидел, что в руках у Вань Дунъяна была довольно большая клетка с голубями. Наверное, он собирался отнести их в ресторан в городе.

Семья Вань держала голубей. Голубиное мясо стоило дорого, и они продавали его не только в деревне, но и в городе, что приносило им хороший доход.

Вань Дунъян слегка нахмурился, видимо, недовольный тем, что Лю Цишуан пришёл так рано.

— Мои ещё не встали.

Действительно, он пришёл слишком рано. Лю Цишуан растерялся. Он не думал, что семья Вань встаёт так поздно. Ведь уже светало.

— Пойдём, — снова сказал Вань Дунъян, поставил клетку и направился к дому.

Лю Цишуан пошёл за ним, невольно ускоряя шаг. Глядя на спину Вань Дунъяна, он с завистью думал о том, какой тот высокий и длинноногий. Один его шаг — как два его. Если не

торопиться, можно и отстать.

Двор у семьи Вань был огромным, несколько десятков чжанов в длину и ширину. От ворот до дома было, наверное, метров сто.

Идя за ним, Лю Цишуан думал, стоит ли ему ещё раз извиниться за вчерашнее.

Пока он размышлял, они уже подошли к дому. Вань Дунъян громко крикнул вглубь дома:

— Мама, вставай, гээр из семьи Лю пришёл.

Крикнув, он, не мешкая, развернулся и ушёл. Лю Цишуан проводил его взглядом до самых ворот, и на его губах играла улыбка.

Гээр из семьи Лю.

Ему нравилось. Ему нравилось, когда его так называли.

<http://bllate.org/book/13415/1194066>